

Л. Б. КАМЕНЕВ

НА ОЧЕРЕДИ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО

1925

Л. Б. КАМЕНЕВ

НА ОЧЕРЕДИ

ИТОГИ ПЛЕНУМА
ЦК РКП (б.)

ДОКЛАД НА ОБЩЕГОРОДСКОМ СОБРАНИИ
АКТИВА МОСКОВСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ РКП (б.)
16 ОКТЯБРЯ 1925 г.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА 1925 ЛЕНИНГРАД

которые остаются в пределах социал-демократической партии, доказавшие, что мы не только смогли разрушить капиталистические отношения, но что мы реально, фактически, каждый день все более и более ускоренным темпом строим новые социалистические отношения,—эти годы, эти успехи, выраженные в совершенно материальных фактах—в разворачивании заводов, в увеличении количества рабочей массы, в усилении наших командных высот, в том, что наши командные высоты все более и более усиливаются за счет мелкобуржуазной стихии—эти годы и эти факты всякие сомнения, всякий пессимизм должны были разрушить. Это, товарищи, конечно, не значит, что строить социализм в нашей стране дело легкое и не требующее напряжения всего пролетарского коллективного разума и всей пролетарской коллективной воли. Трудности большие, и эти трудности меняются. В прошлом году эти трудности были не такие, как в этом году. Мы справились с прошлогодними трудностями, справимся и с трудностями этого года. А в следующем году у нас вырастут новые трудности, дорога перед нами каменистая. Основа для этого не в чем ином, как в том, что мы, пролетарская партия, строим социализм и хотим построить его в стране аграрной, в которой 80% населения минимум принадлежит крестьянству, и в капиталистическом окружении. Тут надо строить и осматриваться. Тут надо строить и проверять. Этому учил нас Ильич, этому трезвому расчету, умению каждый камень положить так, чтобы он уже действительно оказался прибитым на свое место. И эту традицию нашей партии надо, конечно, сохранить.

Пленум ЦК, недавно закончившийся, явился продолжением XIV партконференции. Он занят был главным образом этими внутренними вопросами, он именно пытался вскрыть те тенденции, которые проявляются в массовом движении, он уловил и дал ответ на те трудности, которые перед нами в настоящий момент стоят.

Пленум ЦК продолжил ту линию, которая была взята приблизительно год тому назад в октябре прошлого года и затем получила свое завершение, точную и ясную формулировку в резолюции XIV партийной конференции. Опыт этого года показал, что политика партии в деревне, нашедшая свое выражение в решениях XIV партконференции, была вполне правильна. В результате мы можем определенно констатировать значительное улучшение политического положения в де-

ревне и укрепление авторитета Советской власти в основной массе крестьянства. Но пленум ЦК собрался через несколько месяцев после партийной конференции, собрался в несколько новых обстоятельствах и должен был учесть новые факты. Ведь для того мы с вами и установили систему ежегодных съездов, 6-месячных или 3-месячных конференций, 2-месячных собраний пленума ЦК для того, чтобы возможно чаще проверять ситуацию, анализировать текущий момент, вносить дополнения в свои решения, делать дальнейшие поправки в их развитие. Какие основные факты—конечно, только основные—произошли за время между XIV партийной конференцией и последним пленумом? Мне кажется, что если считать только основные, только самые важные, то факты тройного рода должны быть отмечены. Во-первых, мы уже после партийной конференции получили урожай, и урожай хороший, а урожай в нашей стране и при пролетарской диктатуре определяет целый ряд чрезвычайно важных элементов нашего строительства. Второе, уже после партийной конференции реально выяснился тот размах, та быстрота развития нашей промышленности, которая перед нами реально открывается. Именно после конференции оказалось, что наша промышленность может в этом году получить такой размах, который доведет ее до 95% довоенного уровня. И, наконец, пленум имел перед собой годовой опыт проведения нашей политики в деревне. Та политика оживления Советов, политика ставки на развитие производительных сил деревни, политика развязывания товарооборота в деревне, которая проводилась нами в последнее время, она уже теперь дала определенные плоды и могла быть проверена.

Вот эти факты сосредоточили на себе внимание пленума ЦК. Я и обращаюсь прежде всего в своем отчете к вопросу о том, что нового заметил пленум ЦК в деревне и как он на это новое реагировал. Вы знаете, что уже на XIV партконференции, которая абсолютно правильно сформулировала нашу задачу в развитии производительных сил деревни, что уже там наметился некоторый уклон, который там же, на конференции, получил совершенно решительный отпор. Этот уклон был представлен на конференции тов. Лариным, схема которого сводилась к тому, что раз мы идем к разворачиванию товарооборота в деревне, раз мы делаем те уступки, которые мы сделали на партконференции и на III Съезде Советов

и которые были абсолютно необходимы, по-первых, и сделаны были абсолютно в меру, во-вторых, то тем самым должны разворачиваться капиталистические отношения в деревне. До сих пор он был прав. Да, уступки в деле аренды, уступки в деле применения наемной силы, ставка на дальнейшее разворачивание товарооборота в деревне, конечно, как и отметила XIV партконференция, должны, по крайней мере, на первых порах породить рост дифференциации деревни, создать условия, при которых выделение кулацкой верхушки будет происходить более интенсивно, чем тогда, когда этот товарооборот был зажат у нас, когда над наймом рабочей силы в крестьянском хозяйстве стоял целый ряд ограничений и т. д. Но тов. Ларин шел дальше. Он рассуждал таким образом: если эта дифференциация будет дальше происходить, то, значит, народится в деревне новая буржуазия, свергнуть которую нам придется новой революцией. Новая вторая революция как результат проведения Нэп'а в деревне,—вот что рисовалось тов. Ларину. Конечно, эта теория абсолютно противоречит и нашей политике и нашему пониманию Нэп'а и тем путям, которые указывал нам тов. Ленин. Мы всегда понимали так, что Нэп есть неизбежный путь к социализму. Нэп—не прямая лобовая атака на остатки капитализма, а путь обходный, маневр, который делает пролетариат для того, чтобы захватить и прихватить к себе основную толщу крестьянства, крестьянского середняка. Этого мы никогда не забывали, и тут с этой трибуны, Владимир Ильич рассказывал нам о Нэп'е, как о маневре необходимом, но вместе с тем о таком маневре, который ведет нас к социализму, а не к чему-нибудь другому. Тов. Ларину это представляется иначе. Ему кажется, что из Нэп'а будут расти такие формы капитализма, ниспровергать, сломать, задушить которые можно будет только новой, второй пролетарской революцией. Корни этого взгляда тов. Ларина, конечно, коренятся в давно известных и отвергнутых партией взглядах насчет того, что столкновения рабочего класса и крестьянства неизбежны. Вы знаете эти теории, знаете, что партия употребила много энергии, чтобы выяснить неправильность этих теорий. Нельзя не признать, что корни Ларинского представления о неизбежности второй революции, в которой пролетариат столкнется с новой деревенской буржуазией, и что другого пути к социализму нет, как только

через то, что мы эту баррикаду кулачества ниспровергнем новой гражданской войной,—нельзя не признать, что корни этого взгляда коренятся в том представлении, что пролетариат и крестьянство неизбежно столкнутся, как два противоположные класса. Это—старое представление вульгаризаторов марксизма, которое обозначает фактически пессимизм и неверие в дело социалистического строительства. Эта теория Ларина бьет таким образом в лицо и тому, что нам говорил Ленин о Нэп'е, и тому, что усвоила партия относительно неизбежности и возможности вовлечения основной массы крестьянства в социалистическое строительство через кооперацию, и тому, что говорил тов. Ленин о середняке как о центральной фигуре нашей деревни, и, наконец, тому, что говорил нам тов. Ленин о переходе при диктатуре пролетариата от лозунга гражданской войны к лозунгу гражданского мира. Тов. Ленин в 1921 г. писал: „Кто не понимает смены лозунга гражданской войны лозунгом гражданского мира, тот смешен, если не хуже“. Это, конечно, абсолютно правильная мысль. Когда мы х вами были угнетены буржуазной властью и хотели ее ниспровергнуть, мы стояли за гражданскую войну. Когда пролетариат стал у власти, он против того, чтобы кто-нибудь шел на него гражданской войной, он против гражданской войны и за гражданский мир. Тов. Ленин писал тогда: „Новым в настоящий момент является, для нашей революции необходимость прибегнуть к „рформистскому“, постепенному, осторожному, обходному методу действий в коренных вопросах экономического строительства“. В этом и заключается Нэп. Все это, конечно, не значит, что мы пришли к уничтожению классов, что у нас нет классов и нет классовой борьбы. Она есть, она способна даже временами усиливаться и обостряться—в частности в деревне. Не видеть этого, не считаться с этим недопустимо. Но она протекает в новых формах, отнюдь не в формах гражданской войны.

Ясное дело, что взгляд тов. Ларина, упускающий возможность через кооперацию подобрать и подтянуть к социализму основную середняцкую массу, бьет в лицо этим положениям Ильича. Таков был этот первый уклон, который проявился уже на партконференции и который там же встретил отпор. Тов. Ларину было сказано, что он упускает роль середняка и возможности для середняка под руководством пролетариата расти к социализму, а не к ка-

питализму. Этого он и не оценил, а, ведь, если бы было доказано, что середняк неизбежно и при диктатуре пролетариата встет всей своей массой в капитализм, тогда, конечно, наша политика Нэп'а была бы неверна. Нэп был создан для середняка, и теория Ленинской кооперации рассчитана именно на то, что, имея в своих руках промышленность, железные дороги, кредитную систему и, главное, государственную власть, мы можем захватить середняка своими щупальцами и вовлечь его в социализм, мешая ему расти к капитализму. Если кто-нибудь не верит в эту теорию, он должен пересмотреть всю нашу политику. Кто не верит в это, тот должен поверить тем, которые говорят: „Вы на словах как будто бы строите социализм, а постройте вы совсем другое, постройте вы богатую мелкобуржуазную крестьянскую страну“. Вот к чему это может привести, если бы партия хотя бы на минутку поверила в правильность Ларинских построений и взяла тот курс, который советовал ей Ларин. Это значило бы поставить партию на путь катастроф. Это совершенно опрокидывало бы всю нашу сейчас ведущуюся политику в деревне.

Но это не единственный уклон. Уже после партконференции в партийной печати мы заметили ряд высказываний, которые были прямо противоположны уклону Ларинскому. Чтобы взять только тот пример, который был приведен на пленуме ЦК, я процитирую только одного товарища, взявшего очень рельефно и очень ясно противоположный Ларину уклон, но столь же вредный, столь же неправильный. Тов. Богусhevский в журнале „Большевик“ в номере 9/10, стр. 63—64, от 1 июня—после конференции—писал так: „Кулак, это—жупел, это—призрак старого мира. Во всяком случае, это—не общественный слой, даже не группа, даже не кучка. Это—вымирающие уже единицы... только терминологической инерцией, с позволения сказать, можно объяснить выпячивание в ряде статей значения в нашей деревне фигуры кулака“.

Вот эта небольшая цитата при внимательном к ней отношении может вскрыть уклон, который может завести нашу партию, если бы это не встретило решительного отпора, на очень скверные рельсы. Я тов. Богусhevского не знаю, совершенно уверен, что он написал это из самых лучших побуждений, я помню, и все мы помним слова Ильича, что нет такого политика, который бы не ошибался, и что весь

вопрос в том, чтобы, допустив ошибку, быстро ее поправить. Быстро поправить допущенную ошибку,—вот в чем суть дела.

Что действительно скрывается за тем, когда тов. Богусhevский говорит, что напрасно происходит „выпячивание в ряде статей значения в нашей деревне фигуры кулака“, что кулак, это—не кучка, не группа, не общественный слой, а просто вымирающие единицы? Если бы действительно кулак „выпячивался“ только в статьях, то тогда политически это было бы не так серьезно. Но дело-то в том, что он „выпячивается“ и в жизни, и тот, кто этого не видит, тот ничего не понимает, тот замазывает действительность, толкает партию на такие рельсы, что она может потерять свой облик и характер.

Если вы присмотритесь к ходу жизни в деревне, если вы прочтете отчеты, которые присылаются в ЦК, то надо будет признать, что „выпячивание“ кулака происходит именно в жизни, как естественный и неизбежный результат разворачивания товарооборота в деревне, устранения в ней остатков „военного коммунизма“, наших уступок и т. д. Неизбежным явилось то, что кулак стал поднимать голову не только экономически, но и политически. Мы знаем, как происходили выборы в Советы в целом ряде мест, как кулаки, пользуясь своим экономическим положением, кладя бедняка на обе лопатки, пробирались в руководящие органы местной сельской власти. Мы знаем, как кулак пытается, пользуясь слабостью наших деревенских организаций, захватить позицию в кооперации и других общественных организациях в деревне, и мы можем с полным правом говорить, что нам необходимо считаться с экономическими и политическими поползновениями кулака.

Страшно ли это? Нет, не страшно! Ново ли это, неожиданно ли это? Нет, не ново и не неожиданно. Потому что мы хорошо знаем, и тов. Ленин 5 лет тому назад, с момента Нэп'а, не переставал предупреждать, что если допустить свободный товарооборот, свободную продажу хлеба, то неизбежно получится нарастание новой деревенской буржуазии. Нам это не страшно, нам нужно только вести правильную политику. Но когда нам говорят, что „выпячивание“ кулака происходит лишь в статьях, что кулак, это—жупел, которым пугают, то при этом явно извращают всю картину Нэп'а, всю перспективу дальнейшего строительства социализма.

Мы должны проводить новую экономическую политику и мы знаем, что Нэп в нашей стране в данной международной ситуации есть неизбежный и единственный наш путь. Но Нэп есть оживление капитализма, так определил это и Ильич. И при диктатуре пролетариата в среде мелкого распыленного крестьянства при настоящей дифференциации в деревне Нэп должен порождать на верхушках известные группы кулацких хозяйств, т. е. новую деревенскую буржуазию.

Вот если не понимать этого неизбежного последствия Нэп'а, тогда можно говорить, что кулака нет, что это просто жупел.

А между тем мы должны знать, что в нашей деревне развитие происходит в противоречивых формах, т. е. что суть Нэп'а заключается в состязании, в конкуренции социалистических и частнокапиталистических элементов хозяйства. Для того, чтобы победил социализм, нам надо знать, с кем и с чем мы можем и должны в деревне бороться. Если мы врага не будем видеть, то мы будем плохо двигать свои колонны на этого врага, неизбежно будем плохо маневрировать. Врага необходимо видеть, это необходимо в особенности в деревне, ибо покуда распыленные крестьянские хозяйства еще не объединены нами в кооперацию, не вовлечены в наше общее социалистическое хозяйство.

Какие отсюда истекают практические последствия, об этом я скажу вам дальше. О том, как распыленная масса крестьянских хозяйств, пока очень скверно регулируемая, влияет на наши расчеты и что она в них вносит, как она влияет на темп роста нашей промышленности, на наш вывоз и ввоз, об этом я вам расскажу с цифрами в руках. У нас, с одной стороны, крупнейшая крепость—цитадель социалистической пролетарской промышленности, а с другой стороны 22 миллиона разрозненных, распыленных крестьянских хозяйств, производящих на рынок, живущих стремлением к прибыли, прибыли хотя и очень маленькой, нищей, бедной, но все же хозяев, движимых в своем хозяйстве только этим расчетом. Ясно, что при таком положении у нас развитие совершается в противоречивых формах. Тот, кто этого не понимает, тот неизбежно ведет к срыву политики партии в деревне.

Каким образом может произойти такая ошибка, как у тов. Богушевского? Случайна ли она? Я думаю, что нет.

Такой уклон естественен и, пожалуй, неизбежен при не совсем точном и ясном понимании политики партии. XIV партконференция правильно высказалась в том смысле, что мы ставим ставку на развитие производительных сил деревни. Мы ставим ставку на то, чтобы вся деревенская масса поднялась, чтобы деревня становилась сытее, богаче, чтобы она больше потребляла промышленных товаров, чтобы на основе расширяющей свой спрос деревни разворачивалась наша промышленность. Это все абсолютно правильно. Но мы не должны допустить, чтобы эта правильная ставка, этот правильный курс истолковывался в смысле какого-то мирволения, поддакивания кулакам, в смысле замазывания той дифференциации, которая происходит в действительности. Вот что более всего опасно.

Вы можете себе представить, что если мы допустим какую-нибудь ошибку здесь в Москве, то что получится в провинции. Мы знаем, что ошибочка, допущенная в центре, в провинции, где пролетарское ядро окружено сплошной массой крестьянства, где на него напирает мелкобуржуазная стихия, где проведение пролетарской диктатуры и пролетарского руководства очень затруднено, что эта ошибка, если ее не поправить в центре, там может увеличиться во много раз.

Для того, чтобы идти туда, куда мы пойдем, несмотря на отдельные ошибки того или другого товарища, мы должны себе сказать: да, мы за развитие производительных сил, но в то же время мы не должны закрывать глаза и мирволить росту кулацкого хозяйства. Тот, кто неправильно понимает нашу ставку на развитие производительных сил, тот может не видеть кулака, тот может писать, как пишет один неизвестный мне до сих пор даже по имени товарищ в последней книжке журнала „Печать и Революция“, а именно:— „Охваченный кольцом социалистических командных высот, аграрный капитализм будет рычагом роста социалистических элементов советского хозяйства“. „...В Соединенных Штатах или в Канаде фермер льет воду на мельницу финансового капитала, у нас он даже в своем законченном „кулацком“ виде будет одним из винтиков машины социалистического накопления...“ Это я сегодня вычитал в книжке этого журнала. Ежели у товарища такое понимание политики партии, то ему надо посоветовать прежде всего хорошенько почитать резолюции XIV партконференции и последнего

плenumа, а потом толковать политику партии. Мы хотим поднять всю основную массу крестьянства, середняка и бедняка, на более высокую ступень, мы хотим, чтобы общий хозяйственный подъем деревни шел по нашему пути, а не путем усиления кулацких хозяйств с неизбежным распространением их экономического и политического влияния на середняка и бедняка.

Это—не наша дорога, по этому пути никогда партия не пойдет и никого идти по этому пути не звала.

Так из этой маленькой цитаты, из этого отрицания наличия кулака вскрывается политика, которая оказалась бы политикой вредной и которая в резолюции принятой пленумом ЦК охарактеризована как вредный и опасный уклон, сводящийся к замазыванию дифференциации в деревне, к замазыванию и недооценке кулацкой опасности. Что действительно означало бы, если бы партия не дала этому уклону отпора? Я уже говорил, что если бы партия хотя бы на минуту встала на Ларинский путь, усвоила Ларинский взгляд, то это привело бы нас к катастрофе.

А что было бы, если бы хоть на минуту партия стала на точку зрения, здесь развиваемую: кулака нет, это жупел, напрасно его „выпячивают“. Тогда мы пришли бы к противоречию с деревенским бедняком и середняком, которые кулака видят не в книгах, а в жизни, а затем незаметно для себя могли бы скатиться к идеологии, которая была бы идеологией развивающегося кулацкого хозяйства. Этого, конечно, не будет в нашей партии.

Что же говорит та резолюция, которая охарактеризовала эти два уклона? Я прочту центральные места резолюции, принятой пленумом ЦК о работе в деревне по докладу тов. Молотова. Резолюция напечатана. Вы все ее, конечно прочтете полностью. Я же прочту только те места, которые сейчас в связи с моим рассказом представляют интерес: „...и в области селско-хозяйственного производства, в частности, совершенно неизбежен одновременный рост и капиталистических элементов (кулацкие земледельческие хозяйства, торговцы и т. д., неизбежно выделяющиеся из более зажиточных слоев крестьянства) и элементов, развивающихся в сторону социализма (коллективные хозяйства, кооперации и т. д.). Такие противоречивые тенденции неизбежно должны наблюдаться даже внутри самой кооперации, и вопрос окончательно решит лишь борьба

этих тенденций“. Я прошу товарищей вслушаться в эту резолюцию, единогласную резолюцию ЦК. Это очень не похоже на то, что говорил тов. Богушевский. ЦК трезво и смело констатирует: да, в деревне при нынешних условиях будут развиваться неизбежно и элементы социализма и элементы капитализма, и в самой кооперации даже, прибавляет ЦК, которая есть столбовая дорога для основной массы крестьянства к социализму, и в ней неизбежно должны наблюдаться такие же противоречивые тенденции. Это звучит иначе, чем говорит Богушевский. ЦК говорит: будет борьба, и если мы хотим строить социализм, а мы этого хотим, то необходимо обратить внимание на капиталистические ростки, которые есть в деревне, не надо становиться на точку зрения, что этого нет, и что все пойдет гладко, что кулак будет работать на социализм. Ростки капитализма есть и будут расти, с ними надо бороться, но, конечно, не по-Ларински. Нужно ли объявление гражданской войны? Нужно ли введение комбедов? Нужно ли начать военный поход против этих ростков? Ничего подобного, мы слишком сильны сейчас, чтобы применять такие методы. У нас есть наша кооперативная политика, наша кредитная политика, наша налоговая политика, наша избирательная политика, и этими всеми методами мы можем эту опасность, эту нарастающую деревенскую буржуазию ограничивать в известных пределах. Это не значит, что мы должны ее сейчас с корнем выкорчевать. Если мы допускаем свободу торговли хлебом и всеми остальными продуктами сельского хозяйства, если мы стоим за развитие товарооборота в стране, если мы понимаем, что для развития товарооборота нужно, чтобы деревня стала на более высокий уровень, больше производила и больше продавала, тогда неизбежно будет вырастать на верхушке кулак, который будет сливочки класть себе в карман. Воевать против этого по-Ларински объявлением гражданской войны, пророчествами о новой революции, новыми комбедами—неумно. Нас к этому никто и ничто не принуждает. А если нас схватят за горло вооруженной интервенцией?—Не знаю. Но сейчас действовать по этому методу было бы просто уж очень—как бы сказать пожемливей—не разумно, что ли!

Резолюция дальше говорит: „В связи с этим создается опасность искажения этой политики в двух направлениях: в направлении недооценки отрицательных сторон Плана и

направлении непонимания значения Нэп'а как необходимого этапа к социализму. Первая опасность—опасность недооценки отрицательных сторон Нэп'а—ведет к забвению интересов деревенской бедноты и недооценке кулацкой опасности...

Вот точная и ясная формулировка тех опасностей, которые вытекают из той теории, на почве которой стоит тов. Богушевский—забвение интересов деревенской бедноты и недооценка кулацкой опасности.

Вторая опасность, о которой я уже говорил,—„непонимание всей необходимости Нэп'а“,—ведет к забвению важнейшего в данный период значения основной середняцкой массы крестьянства, к разрыву союза рабочих и крестьян и, следовательно, к ослаблению пролетарской диктатуры в стране.

Вот точная и ясная формулировка второй опасности, которая вытекает из той теории, на почве которой стоит тов. Ларин и которую я выше разобрал.

Отсюда основная директива пленума ЦК, данная в резолюции по докладу тов. Молотова: „Решительная борьба с обеими этими опасностями есть неременное условие для предотвращения срыва принятой партией политики в деревне и для правильного проведения в жизнь решений XIV-ой партконференции“.

Резолюция дальше перечисляет целый ряд мер, которые необходимо принять для того, чтобы наша партия не оказалась в положении, когда бедняцкие слои деревни перестанут чувствовать в партии свою защитницу против кулаков, когда она оказалась бы в таком положении, что не могла бы вести систематической постоянной борьбы за высвобождение середняка от фактически захватываемого и в политическом и в экономическом отношениях влияния кулаков. Проведение решений XIV партконференции, говорит дальше резолюция, „особо важное значение приобретает в данный момент ввиду ускоряющегося развития товарных отношений вследствие хорошего урожая и неизбежного для ближайшего времени усиления процессов социального расслоения (дифференциации) крестьянства“.

Я надеюсь, что здесь нет ни одного слаонервного товарища, который испугался этих слов ЦК. ЦК предупреждает партию, что в ближайшее время на основе роста товарного оборота, который нам необходим для строения социалистических крепостей, на основе хорошего урожая, неизбежно для ближайшего времени усиление процесса дифференциации

крестьянства, выделение, с одной стороны, кулака, с другой стороны, бедняка, а, следовательно, и обострение классовой борьбы в деревне. Вот если бы мы перед этим процессом были бессильны, если бы мы не знали, как основную массу середняка и бедняка на свою сторону привлечь, то это звучало бы очень скверно. Но мы не вчера родились на свет как пролетарская власть и не малые дела переделали, и мы знаем хорошо, что имеем средства для того, чтобы избежать тех последствий, которые могли бы от этого получить. У нас есть средства, которыми можно и должно и середняка и бедняка притянуть к себе.

У нас есть совершенно реальные методы усиления союза рабочих и крестьян, союза рабочих и беднейших крестьян с середняками. Мы это делали, начиная с 21 г., и мы продолжаем эту работу, усиливая этот союз, завоевывая середняка на нашу сторону, и делаем это недурно. Разве наша деревня сейчас похожа на деревню 21—22 г.? Разве то, что имело место тогда, имеет не только место, но хотя бы основание вспыхнуть у нас сейчас? Нет, конечно. Наша партия и Советская власть в деревне, в бедняцких и середняцких слоях несомненно укрепились. Мы знаем, как завоевать на свою сторону середняка, как через союз с бедняком привлечь к себе середняцкий элемент и вырвать его из под власти кулака. Но надо ясно видеть окружающую обстановку и не закрывать глаза на неприятные факты. Надо ясно видеть стратегическую обстановку и твердо вести свою линию. В чем она заключается? Резолюция ЦК говорит: укрепляйте связь партии с бедняком. Резолюция в практической части своей говорит: „В дальнейшей работе Советов (а также в кооперации, крестпомомах) необходимо проводить особые собрания бедноты, приступить к организации в селах, волостях и районах групп бедняков (с неременным втягиванием в них батрачества), всемерно стремясь при этом к совместному с середняками отстаиванию практических мероприятий в работе Советов, кооперации, крестпомов и к совместному с середняками выдвижению кандидатов при перевыборах“.

Далее, обращаясь уже к партии, ЦК говорит: „Во всей работе Советов, кооперации, крестпомов, парторганизации, при активном участии комсомола, должны брать на себя инициативу в деле организации беднейших слоев и обеспечении их интересов в работе соответствующих органов“.

Вы видите, товарищи, что линия этой единогласно принятой резолюции несколько не похожа на ту линию, которую я разбирал выше, и сила нашей партии в том, что такие ошибки быстро и решительно отвергаются. Означает ли эта резолюция, что мы должны повернуть нашу политику? Нисколько! Эта резолюция есть продолжение проведения линии, формулированной уже давно и нашедшей свое отражение и в резолюциях XIV конференции. Не эта резолюция нова и неожиданна, а ново и неожиданно, когда мы видим такое толкование нашей ставки на развитие производительных сил в деревне, какое мы встречаем в словах Богушевского. Вот, если бы мы сказали: надо, чтобы деревня росла и развивалась, чтобы росли ее производительные силы, чтобы крепили ее производство и потребление, а потому давайте не обращать внимания на расслоение деревни, рост кулака, давайте говорить, что кулак не кулак, а полезный винтик в социалистической машине,—вот это было бы действительно ново и неожиданно и во всяком случае не похоже на то, что говорил Ленин. Резолюция же ЦК говорит: „Мы ставим ставку на развитие производительных сил в деревне, мы дали известные уступки новой буржуазии в деревне, дали ей право более широкой аренды, более широкого использования наемного труда и т. д., но одновременно мы укрепляем другой участок фронта, привлекая к себе бедняков, чтобы объединить вокруг себя и середняка, а эксплуататорским тенденциям кулака положить известный предел. Это—по-Ленински, по-коммунистически. Если вы спросите меня: „Ново это или нет?“,—я отвечу: „В практических предложениях, конечно, ново (группы бедняков, фонд для бедняков и т. д.), а по существу нет, не ново“. Это есть проведение нашей старой политики. Вот пара слов из Владимира Ильича, из его статьи, написанной 16 марта 1922 г.: „Ввиду преобладающей важности подъема сельского хозяйства и увеличения его продуктов—Ильич, как видите, исходил в 1922 г. из того, из чего исходим мы сейчас: нам необходимы подъем сельского хозяйства и увеличение его продукции—в данный момент политика пролетариата по отношению к кулачеству и зажиточному крестьянству должна быть направлена, главным образом, на ограничение его эксплуататорских стремлений и т. д. Как ограничить эти стремления, как защищать бедноту должно и может наше государство,—в этом вся суть“. Если

вы возьмете эти слова Ленина, сказанные в 1922 г. и прочтете вслед эту резолюцию, то вы убедитесь, что это есть лишь проведение Ленинской политики.

Неожиданной эта политика могла бы показаться лишь тому, кто воспринял резолюции XIV конференции и всю линию нашу в деревне, как смазывание расслоения в деревне. Но XIV партконференция понимала, конечно, линию партии по-Ленински, а не по Богушевскому и не по-Ларински. И только так понимая ее, только направляя нашу политику в деревне по Ильичу, только помня о кулаке и не давая ни на минуту повода думать, что партия пролетариата, партия коммунистов отвернулась от бедняка,—только так можно сохранить пролетарский характер нашей деревенской политики. Это и делает резолюция ЦК.

Вы видите, что в ней есть две неразрывно связанные стороны. Одна сторона—политическая. Резолюция ЦК говорит: политика оживления Советов, политика сплочения вокруг советских органов крестьянского актива должна проводиться таким образом, чтобы наша партия становилась во главе бедняцких и середняцких групп крестьянства, помогала им выдвигать свои кандидатуры, чтобы середняки и бедняки обсуждали свои интересы, свои кандидатуры и осуществляли проведение их в крестпомах, Советах, кооперации и т. д. вопреки и против поползновений кулачества. А другая сторона резолюции говорит об экономических мерах, указывая ясно и прямо говоря, что необходимо обеспечить участие бедноты в кооперативном строительстве, что необходимо сделать и из кооперации и из кредита форму содействия организации бедняков и середняков против кулаков. Научились ли мы это делать? Нет, еще не научились и довольно порядочное время еще будем учиться. Важно и ценно указание ЦК, направленное к тому, что наша система кооперации, наша система государственного кредита должна быть нами так использована, и мы должны маневрировать таким образом, чтобы сделать из них орудие сплочения середняков и бедняков против кулаков.

Это должно быть конкретно разработано и надо уже сейчас заставить органы Советской власти работать во исполнение этого решения ЦК. Как создать специальные фонды для поддержки бедняцких слоев? Каковы условия льготного кредитования на производительные нужды бедняцкого хо-

зяйства, как обеспечить возможность того, чтобы в кооперацию вступили широкие слои середняков и бедняков,—это все практические вопросы, которые по этому указанию ЦК должны быть разработаны. Вот передо мной лежат постановления XIV сессии Совета Центросоюза. Резолюция по докладу Правления Центросоюза прямо говорит: „Необходимо разрешить задачу создания в предстоящем году массового притока в деревенскую потребительскую кооперацию новых членов из середняцких и бедняцких элементов и тем самым усилить роль этих элементов в деревенской потребительской кооперации“. Толчек дан, и дело пойдет. Отнюдь не ручаюсь, что через пару месяцев действительно в кооперации будет масса бедняков, кредит сейчас же широко потечет на укрепление бедняцких хозяйств. Но мы не на резвость гоним, а на крепость, прочность нашей постройки. Толчек ЦК'ом дан и, конечно, он будет развиваться и даст реальные плоды. Не буду на этом дольше останавливаться. В моем докладе Московскому комитету от 6 сентября: „Наши достижения, трудности и перспективы“ я уже достаточно подробно на этом останавливался.

Вы, вероятно, заметили, что в цитате, которую я привел из Ильича, рядом с кулачеством поставлено и зажиточное крестьянство. У Ильича сказано: „В данный момент политика пролетариата по отношению к кулачеству и зажиточному крестьянству должна быть направлена главным образом на ограничение его эксплуататорских стремлений и т. д.“. Естественно здесь задуматься, почему Ильич, говоря об ограничениях эксплуататорских стремлений, добавляет к кулачеству и зажиточное крестьянство. Ответ совершенно ясен: потому что Ильич интересовался не только тем, что есть в данный момент, но и тем, что куда растет, не только статикой, но и динамикой, интересовался процессами, которые происходят в деревне. Какие же процессы действительно происходят в деревне? XIV партийная конференция ответила на этот вопрос. Она сказала: новая деревенская буржуазия растет из зажиточного крестьянства, и в словах, которые я только что прочел из резолюции ЦК, эти слова повторены, потому что они правильны. В резолюции ЦК тоже сказано: „В области сельско-хозяйственного производства, в частности, совершенно неизбежен одновременный рост и капиталистических элементов, неизбежно выделяющихся из более зажи-

точных слоев крестьянства“ и т. д. Зачем партия повторяет это? И Ильич сказал, и на XIV партийной конференции это было сказано: „Новая деревенская буржуазия растет из зажиточных слоев крестьянства“, и здесь в резолюции пленума это повторено. Почему? Потому что мы должны наблюдать за теми процессами и тенденциями, которые происходят в деревне.

Основной вопрос, который стоит перед нами в этом и заключается: куда же растет середняк, куда растет зажиточный крестьянин? Мы знаем теперь из анализа цифр распределения урожая, что если взять 12% всех крестьянских дворов, то у них окажется около 60% хлебных излишков. Конечно, это не кулак. Смешно по хлебу определять кулака. Кулака надо определять в первую очередь по наемному труду, а не по посеву. Смешно думать, что партия, которая еще несколько месяцев тому назад единодушно определила число кулаков в 3—4% (мне пришлось назвать именно эту цифру кулаков, 3—4%, в своем докладе о III Съезде Советов еще в мае этого года), вдруг оказалась перед фактом, что у нас 12% кулаков. Кулаков не 12%, а те же 3—4%. Эти 12% неоднородны. В эти 12% входит 3,5% сеющих выше 10 десятин и имеющих 30% всех хлебных избытков. 3 1/2% крестьянских дворов, имеющие 30% всех хлебных избытков,—вот здесь, в этой именно группе, надо искать кулака. Здесь он сидит. И даже не вся эта группа кулаки. Но, кроме кулаков, надо видеть и те зажиточные слои крестьянства, из которых растет новая деревенская буржуазия. 12% это и есть кулаки плюс верхушка середняков. Если разделить строго только на кулаков, только на середняков, только на бедняков, то, конечно, окажется, что у середняков и у бедняков хлебных избытков процентов 70, а 30% у 3 1/2% дворов, которые подходят подлинно к кулачеству. Но сам по себе факт, что 30% хлебных избытков находятся у 3,5% крестьянских дворов, а около 60% хлебных избытков находятся у 12% дворов не оспаривается и он отнюдь, конечно, для нас не маловажен и отнюдь не безразличен.

Нас интересует вопрос, куда растет зажиточный крестьянин. В деревне происходят два процесса. Один процесс был недавно очень живо описан А. И. Рыковым. Он рассказал, как из покупки трактора развиваются неизбежно формы коллективного хозяйства. Крестьяне сложились, образовали

маленький кооператив, купил трактор. Сначала каждый работал на своей полоске. Потом увидели, что это не выгодно.

Начали поле запахивать подряд вместе те, которые объединились в кооператив для закупки трактора. Потом приходит мысль, что раз вместе вспахали, и урожай можно вместе собрать. Раз вместе собрали, можно вместе продать. Одним словом, из кооперативной закупки трактора зарождаются и развиваются подлинно коллективные формы хозяйства, т.е. то, что нам надо, что мы поддерживаем, т.е. кооперация, которая эту крестьянскую массу приведет к социализму, свяжет с рабочим хозяйством, с рабочим пролетарским государством. Но есть и другой процесс в деревне. Другой процесс заключается в том, что при капиталистических отношениях, если у человека сегодня имеется маленький излишек, и он на этом излишке кое-что заработал, на эти заработанные им деньги купил, скажем, ту или другую машину или лошадь, потом дал соседу на имеющейся у него лошади попахать, на этом опять заработал и так понемножечку, накапливая индивидуально, поднимая свое хозяйство, этим путем он переходит постепенно от середняка к зажиточному, от зажиточного к кулачку. Вот два процесса. Один процесс в сторону социализма, т.е. наша дорога, по которой мы хотим вести крестьянство, та дорога, по которой крестьянство в основной своей массе, середняцкой и бедняцкой, пойдет. А рядом другая, стихийная форма, которая соответствует капиталистическим отношениям. Сегодня небольшой избыток, завтра ловко обернул этот избыток, потом чуть больше, перешел к найму батрака, потом двух, потом он—кулак. Можем ли мы охватить этот процесс? И как это сделать? В этом основном пункте политика не только сегодняшнего дня, но, конечно, он останется основным на ряд лет. Можем ли мы и что должны мы сделать для того, чтобы из этого середняка не росла новая буржуазия, а чтобы он сам рос в массе своей к социализму? Что для этого нужно сделать? Надо охватить хозяйство этого середняка и этого растущего от середняка к зажиточному крестьянину, охватить его нашей пролетарской промышленностью, охватить кооперацией, охватить электрификацией, охватить нашим государственным кредитом, охватить системой нашей внешней торговли и повернуть его рост с капиталистических рельс индивидуального накопления на социалистические рельсы общего массового подъема.

Можем ли мы это сделать?—можем! Справимся ли мы с этим?—Справимся! Основной путь к этому, это—кооперация, это—электрификация, т.е. развитие крупной машинной индустрии. Задача заключается именно в том, чтобы „центральную фигуру“ нашей деревни захватить во время ее подъема, и этот подъем направить через кооперацию, через все наши рычаги по социалистическому руслу. Это—не такая легкая задача. Я не говорю, что ее можно разрешить в год. Ильич говорил, что годы нужны на то, чтобы переработать эти индивидуальные отдельные крестьянские хозяйства в общую социалистическую систему. Долго будем работать над этим, но будем работать и несомненно добьемся успеха. Почему? Потому, что мы имеем сильные рычаги.

Я и перейду к тем рычагам, которые находятся в руках пролетариата и при помощи которых он эту колесницу середняков заворачивает на социалистические рельсы. Но раньше я спрошу себя: нужно ли, следует ли насчет этих вопросов тревожиться? Я думаю, что нужно, и нужно, между прочим, потому, что этими же вопросами тревожился и Владимир Ильич. Вы помните одну из его последних статей, ту статью, которую, конечно, каждый из нас воспринимает как указание на долгие годы. Статья эта—„Лучше меньше, да лучше“. Там, вы знаете, Владимир Ильич развивает целый большой стратегический и тактический план нашей политики. Он указывает, как мы должны двигаться вперед, и вдруг, развивая свой план, прерывает себя и спрашивает и себя и нас: „Но не будет ли это царством крестьянской ограниченности?“. Сам себя прервал и спросил: а если будем двигаться по этому пути, не придем ли мы всего только к „царству крестьянской ограниченности?“—и тут же ответил: нет, не будет это царством крестьянской ограниченности, если мы сделаем то-то и то-то, и кончает статью словами: „Притом мы будем в состоянии удержаться не на уровне мелко-крестьянской страны, не на уровне этой всеобщей ограниченности, а на уровне, поднимающемся неуклонно вперед и вперед к крупной машинной индустрии“. Ильича беспокоил этот вопрос. Он разсуждал: страна будет богатеть, и это хорошо; середняк будет подниматься, и мы к этому должны стремиться; деревня будет становиться сытее, и это необходимо, если мы хотим иметь потребителя для социалистической фабрики. Все это так, но вместе с тем, не будет ли это царством мелко-

крестьянской страны, не будет ли это уровнем мелкобуржуазных отношений? Так спрашивал Ильич и говорил: нет, мы должны принять такие-то и такие-то меры, и тогда этого не будет. Вот на эти-то меры нам и нужно обратить внимание. Ильич сказал, какие это меры: кооперация—раз, электрификация, развитие крупной машинной индустрии—два, культурная революция—три. „Если мы сохраним за рабочим классом руководство над крестьянством, то мы получим возможность ценой величайшей и величайшей экономии хозяйства в нашем государстве добиться того, чтобы всякое малейшее сбережение сохранить для развития нашей крупной машинной индустрии, для развития электрификации, гидроторфа, для достройки Волховстроя и проч. В этом и только в этом будет наша надежда“. Вот ответ Ильича. Вот что тревожило Ильича, и вот его ответ в последних его статьях: развитие машинной индустрии и—в следующей статье—кооперация. Кооперация плюс электрификация, т.е. всеобщее объединение основной массы крестьянства и вовлечение его в социалистическое строительство—раз; развитие крупной машинной индустрии, укрепление таким образом пролетарских центров и обеспечение благодаря этому руководящей роли пролетариата в союзе рабочих и крестьян—два. Вот этими рычагами мы и направим подъем нашей страны на социалистические рельсы. Вот этими путями мы и переварим те миллионы крестьянских хозяйств, которые сейчас хозяйствуют еще не по социалистическим принципам, а по принципу купли-продажи, т.е. на основе товарного производства.

Ну, а сейчас, немедленно, что мы можем и должны делать для этого? Мой ответ и ответ, который ЦК целиком поддержал по моему докладу, заключается в простых словах: нажимать на разворачивание нашей промышленности. Мы в этом году имеем громадный рост нашей промышленности. Если взять самое небольшое количество цифр, то надо будет прежде всего обратиться к количеству рабочих и спросить себя, как развивается количество рабочих в нашей промышленности. Вот вам ответ Госплана о числе рабочих ценовой промышленности, т.е. промышленности, уже стоящей на определенном уровне. Это не вся промышленность, а только ценовая промышленность ВСНХ. В 1923—1924 гг. в этой промышленности был 1 милл. 600 тыс. рабочих, в 1924—1925 гг. было 1 милл. 900 тыс. рабочих. В на-

ступающем году это число должно дойти до 2 милл. 300 тыс. рабочих, тогда как в довоенное время, в 1913 г., в той же промышленности было 2 милл. 600 тыс. Вы видите, здесь крупнейший, громаднейший шаг, представляющий действительно определенное изменение в классовых взаимоотношениях нашей страны. Одно дело, когда наш авангард базировался на полутора миллионах рабочих в крупной ценовой промышленности, а другое дело, когда за полтора-два года мы увеличиваем количество рабочих на 700 тыс. и доводим почти до $2\frac{1}{2}$ милл. только в ценовой промышленности, не считая мелкой, не считая транспорта и т. д. Вот цифра кардинальная, которая определяет разворачивание только одной крупной нашей промышленности. Если взять валовую продукцию нашей промышленности, то движение идет таким образом. По довоенным ценам в 1923—1924 гг. в крупной промышленности мы вырабатывали на $2\frac{1}{2}$ миллиарда рублей; в 1924—1925 гг. уже вырабатывали на 4 миллиарда, а в наступающем году собираемся выработать на 5 с четвертью миллиардов. А те же заводы до войны вырабатывали на 5 миллиардов 600 милл. Подходим к довоенному уровню. Не буду затруднять вас слишком большим количеством цифр, но если возьмем хлопчатобумажную пряжу, то увидим, что мы в прошлом году перерабатывали 199 тыс. тонн, в этом году—257 тыс. тонн. Если взять чугун: в прошлом году—1 милл. 227 тыс. тонн, в этом году план построен на 2 милл. 479 тыс. Вдвое почти. Если взять каменный уголь и антрацит: в прошлом году—15 милл., в этом году—25 милл., 95% использования всех технических возможностей. Если взять нефть: в прошлом году—6 милл. 900 тыс., в этом году—8 милл. 500 тыс. и т. д. и т. д. Нет ни одной отрасли промышленности, которая бы по планам ближайшего года не дала бы нам бурно поднимающейся вверх кривой. Этот разворот промышленности и есть, конечно, главное укрепление наших сил. Потому-то мы и можем быть твердо уверенными, что со всякими трудностями справимся, что промышленность у нас растет, количество рабочих из года в год увеличивается, и наши пролетарские крепости действительно становятся крепкими узловыми пунктами всего дальнейшего развития нашей революции. Укажу также и на то, что вместе с разворачиванием промышленности совершенно неслыханную ни в одном государстве роль начинает играть у нас потребительская кооперация.

Мы не даром говорим: „Кооперация—путь к социализму“. Кое-что делается. Конечно, кооперация у нас еще плоховата. Много ей нужно и чиститься и чтобы мы ее чистили, чтобы она стала тем, чем она должна быть, т.-е. главным орудием при помощи которого социалистическое государство доносит до потребителя свой улучшенный и удешевленный товар, а пока кооперация не всегда это делает и не прочь заработать на товарном голоде.

Но посмотрите, каков размер ее оборота. В прошлом году она провернула товаров—мануфактуры, кожи, сахару, масла керосина и т. д.—на 2250 милл. рублей. А в этом году ее план составлен на 3360 милл. рублей. Кооперация рассчитывает пропустить в этом году через свою сеть до 70% хлопчатобумажных тканей, до 50% сахарной продукции, до 80% соли, почти половину металлических изделий. Я привожу эти цифры для того, чтобы показать, что кооперация становится изо дня в день, из года в год все более и более важным фактором распределения социалистического производства.

Если кооперация через свои органы имеет в виду пропустить 70% всей мануфактуры, то это значит, что мы здорово прижали в этом деле частный капитал, что мы тут имеем успех. Но вместе с тем мы должны самым внимательным образом наблюдать, чтобы кооперация которой мы доверяем это дело, не перепродавала ту государственную мануфактуру, которую мы ей даем, частникам и не зарабатывала бы на товарном голоде, а чтобы она донесла эту госмануфактуру и государственные металлические изделия до низов, до потребителя—рабочего и крестьянина. Донесла, не наживаясь сама, и доказала бы, что кооперация—это лучший метод товарооборота, что кооперация выполняет то, что ей поручено, доносит до низов товары по сниженным ценам.

Казалось бы, что при таком развороте промышленности, при таком увеличении числа рабочих, при таком повышении роли кооперации нам остается только радоваться. Но вы знаете, что в жизни складывается не так. Несмотря на такой разворот промышленности, несмотря на то, что мы вкладываем в этом году в промышленность новые дополнительные средства в сумме около 900 миллионов рублей, несмотря на это—у нас в стране товарный голод.

Что обозначает этот товарный голод? Это значит, что крестьянство, получив урожай,—а у нас первый настоящий

урожайный год,—пришло к пролетарскому государству, к пролетариату, который держит в своих руках фабрики и заводы, и говорит: вот тебе моя продукция, чем ты можешь ответить. А у нас в промышленности, несмотря на весь ее рост,—нехватка, дефицит, несоответствие массовому спросу.

А если у нас нет достаточно товаров, чтобы соответствовать крестьянской продукции, это значит, что знаменитые ножницы, с которыми мы бились два года и в конце концов свернули их, снова начнут разворачиваться.

Вы помните кризис в октябре 1923 года, вы помните сворачивание промышленности, закрытие фабрик и кризис в партии на этой почве. Потом мы с вами нажали для того, чтобы погнать вниз цены на промышленные продукты и поднять цены на сельскохозяйственные продукты. Вы видите, что в результате этой политики в апреле 1925 года ножницы сошлись.

Но теперь, благодаря товарному голоду, т.-е. тому, что наша развернутая промышленность не может удовлетворить своими товарами то, что требует страна, эти ножницы предположительно будут опять разворачиваться. Это раскрытие ножниц угрожает меньше, чем это было раньше, но все же оно может угрожать нам в этом году.

В чем выход? В дальнейшем разворачивании промышленности. Чем еще угрожает нам нехватка товаров? Тем, что накидка на розницу при нехватке товаров будет все время расти. Вы сами прекрасно знаете и слышите на фабриках и заводах, что одно дело оптовая цена на ситец в синдикатах и трестах, а другое дело цена на ситец, когда его покупают в деревне. Вы знаете, что при товарном голоде накидка эта неизбежна. Это расхождение цен, как я выразился на пленуме ЦК, показывает степень недовольства крестьянства в отношении к нашему производству: „И мало даешь, и дорого даешь“. Этот ропот не замолк и не сможет окончательно замолкнуть до тех пор, пока деревня, наконец, не скажет: пролетарское хозяйство дает товары хорошие и дает их дешево.

Разница между оптовыми ценами и розничными означает рост прибылей частного капитала, ибо во всякую щель между нашей социалистической промышленностью и крестьянским хозяйством неизбежно лезет частный капитал. В этих-то щелях он и живет и плодится, и чем эта щель больше, тем

частный капитал больше жиреет, тем он становится нахальнее, и тем больше доступа получает он к крестьянству.

Вот почему товарный голод представляет и известную политическую опасность.

Наконец, товарный голод, нехватка товаров, которые мы должны послать в деревню, задерживает наши заготовки. Крестьянство достаточно сообразительно, чтобы понять, что деньги интересны лишь тогда, когда на них можно купить необходимые предметы. Поэтому, прежде чем вести хлеб на базар, крестьянин соображает, сможет ли он на вырученное купить мануфактуру, сапоги, железо, которые ему нужны. Если он видит, что на эти деньги он эти товары купить не может, то он предпочитает с вывозом хлеба подождать, он ждет. А раз он хлеб не везет, значит мы не можем вывезти его за границу. А раз не вывозим за границу, значит не можем купить новых машин, а не поставивши новые машины, не можем увеличить производства фабрик и заводов, увеличить количество товаров.

Сейчас этот круг задерживает тот план разворачивания промышленности, который мы имеем. Итак, вот что заставляет нас не опаздывать в деле разворачивания промышленности и вот почему теперь очередной задачей стоит перед нами: нажать на разворачивание промышленности, как я выразился на докладе ЦК.

Во-первых, мы подошли к 100% нагрузки основного капитала нашей промышленности. Заводы, стоявшие годами, мы пускаем изо дня в день, и очень скоро мы подойдем к тому, что все заводы наши, все машины наши будут нагружены полностью, и нам нужно будет увеличить основной капитал, повести дело переоборудования, постройки новых заводов, установки новых машин. Второе, мы ввязались в мировой рынок, мы уже теперь громадную массу товаров ввозим и вывозим за границу и мы не можем отставать в деле развития промышленности от мирового, капиталистического развития. Отставать мы здесь не должны. Третье,—и практически наиболее важное,—крестьянин слишком большую отсрочку нам дать не может. Мы имеем первый хороший урожайный год, и он уже предъявляет к нам требование товаров. Все товарищи, которые приезжают с мест из Украины, Северного Кавказа, Сибири говорят: „Чтобы получить из деревни хлеб, надо дать деревне товар“. Это—первый урожайный год, ну,

а на второй урожайный год, если мы опять опоздаем с разворачиванием промышленности, что скажет крестьянин? Он скажет, что наша промышленность вяло работает, не быстро поворачивается, не соответствует его запросам. Вот для того, чтобы не получить такого упрека со стороны крестьянства, мы должны признать, что в деле разворачивания промышленности мы отставать не можем. Максимум своей энергии, максимум того, что мы накапливаем, мы должны пустить на развитие промышленности. И, наконец, последнее: Госплан подсчитал, что если разделить все капиталы, все имущество, которое имеется в Республике, и подсчитать, какая часть находится в руках государства и какая часть находится в руках отдельных хозяйств, то получатся такие цифры. Мы, как государство, держим в своих руках 11½ миллиардов всех капитальных фондов (заводов, фабрик, инструментариев, жел. дорог, шахт и т. д.), а 7½ миллиардов находятся в руках распыленных крестьянских, ремесленных, кустарных хозяйств. Какова наша дальнейшая дорога? Эти 7½ миллиардов, которые находятся в руках отдельных крестьянских хозяйств, втянуть в социалистическое хозяйство. Я уже несколько раз повторял—путь к этому через кооперацию, через электрификацию. Но прежде всего для того, чтобы втянуть их в наш социалистический круг, надо усилить оборот между городскими промышленными товарами и крестьянской продукцией. Если мы здесь будем опаздывать, то будем опаздывать в деле социалистического строительства, а это не годится. Надо дело делать трезво, надо не задаваться легковесными планами, но надо видеть свою дорогу и твердо шагать по этой дороге. И поэтому всякий раз, когда теперь заходит речь о наших практических задачах, надо вспоминать, опять-таки два указания Владимира Ильича, те его слова, которые сейчас звучат именно, как директива, как прямое практическое указание. Первое указание, это то, что Ильич говорил на Съезде Советов в 1921 году. Он говорил: „Если крупная промышленность находится в цветущем состоянии, если она может сразу снабдить крестьянина достаточным количеством продуктов или большим количеством продуктов, чем прежде, и установить таким образом правильное соотношение между поступающими к крестьянину запасами сел.-хоз. продуктов и промышленными изделиями, тогда крестьянство будет вполне удовлетворено, тогда крестьянство в своей массе, беспартий-

ное крестьянство, признает силой вещей, что этот новый порядок лучше старых капиталистических порядков".

Наша промышленность еще не цветущая промышленность. Она еще только начинает расцветать, но мы должны помнить слова Ленина, что для того, чтобы удовлетворить полностью крестьянство, чтобы получить в нем непреодолимого союзника, чтобы этот союз не мог быть разорван ничем,—для этого необходим действительный расцвет промышленности. Года два тому назад, когда промышленность, мечтая о высоких прибылях, рванулась вперед и наткнулась на кризис сбыта, мы говорили: равняйся по крестьянской силе. Это значило—равняйся по крестьянскому бессилию, не разворачивайся слишком, не ставь таких цен, что крестьянство не сможет купить твоих продуктов. Но крестьянство стало сильнее. Оно еще нищее. Даже наш „зажиточный“ зажиточен только по сравнению с нашим бедняком, а наш бедняк бедней всякого бедняка. Вся наша деревня еще нища, технический уровень ее еще очень низок, и первым делом мы должны применить все усилия к тому, чтобы поднять ее, чтобы расширить ее покупательную способность, чтобы хозяйственно укрепить всю основную массу крестьянства. Но все-таки деревня стала посильнее. Уже сейчас она может купить больше, чем мы можем предложить. Поэтому, промышленность может пошире разворачиваться и ставить перед собой новые задачи: построение новых заводов, установку нового оборудования и т. д., не забывая основной задачи: производить дешевле и лучше. Вот почему слова Ильича о цветущей промышленности и его же слова о том, что каждый грошик экономии надо направлять на развитие крупной машинной индустрии, становятся для нас теперь совершенно ясной и определенной директивой.

Как же пойдет в ближайший год дело этого строительства? Я должен сказать, что наши планы разворачивания промышленности, построенные на учете урожая, потерпели уже некоторые изменения. Крестьянская стихия внесла ряд поправок в наши планы. Задержка крестьянством хлеба держит нас за руки, и, видимо, так быстро развернуться и в те сроки развернуться, как бы мы этого хотели, нам не удастся. Прежде всего урожай, из-за дождей, пострадал в довольно значительной мере. Мы считали, что избытков товарного хлеба у крестьянства будет 1 200 000 000 пудов. Последние данные говорят

что дожди настолько испортили, что оно будет иметь только 1.000.000.000. И это немало, конечно, но в связи с этим должно измениться и целый ряд наших планов. Крестьянство внесло поправку в трех направлениях. Во-первых, в сроках. Мы хотели закупить хлеб в 70% до 1 января. Видимо, крестьянство нам этих 70% не продаст до 1 января. Во-вторых, в количестве: крестьянство дает нам меньше хлеба, чем мы ожидали, и, в-третьих, в цене. Мы ожидали при урожайном годе падения цен на хлеб и приготовились бороться против низких цен на хлеб, чтобы спасти крестьянство от катастрофического падения цен. Но оказалось, что цены не только не упали, как ожидалось, но что они очень вздуты, вздуты настолько, что становится невыгодной продажа хлеба за границу.

Что означают эти три поправки? Наш план был выгоден не только для нас, но и для самого крестьянства. Из того миллиарда пудов хлеба, которое крестьянство вынесет на рынок, мы в своей стране можем потребить немногим более половины. Миллионов же 400 внутри страны мы потребить не сможем. Их надо продать за границу. Иначе хлеба в стране будет слишком много, и неизбежно цена на него сильнейшим и невыгоднейшим для крестьянства образом упадет, если не сейчас, то к весне. Наш план и заключается поэтому вот в чем: покуда Канада и Аргентина не вышли на международный хлебный рынок, а они выходят в октябре и ноябре, нам первым прийти на этот хлебный рынок, когда там хлеба мало, по высоким ценам продать как можно больше нашего хлебного излишка и, получивши на этих высоких ценах известную прибыль, ввести из-за границы товары крестьянского потребления, а, главным образом, машины и сырье для наших фабрик и заводов, и таким образом дать крестьянству товары в нужном количестве и дешевле. Этот план выгоден для промышленности, выгоден для государства, выгоден и для крестьянства. Но крестьянство действительной выгоды в массе своей не смогло осуществить. Крестьянство не везет сейчас в той мере, в какой нужно, хлеб на рынок. Почему? Товаров нет. А затея еще давнишняя мечта: весной получу более высокую цену. Помнят как весной в прошлые годы цены сильно поднимались, и теперь отдельный хозяин рассуждает так: зачем мне осенью везти хлеб? подожду, если в прошлые годы весной цены взлетали, то и нынешней весной я получу гораздо больше. Но он ошибется. У нас уро-

жай. У нас миллиард пудов хлебных излишков. Внутри страны мы потребим только половину этого хлеба, а половина нам не нужна, и если мы сейчас не усилим вывоза хлеба за границу, то весной, когда все выбросят на рынок хлеб, цены катастрофически упадут. Оказалось, что наш план и понимание крестьянином своих интересов разошлись. Результаты получились такие: мы сейчас платим за хлеб у себя внутри страны столько, что вывозить его за границу становится не выгодно. За границей цены упали, так как Америка, Канада и прочие страны стали вывозить свой хлеб и вступили в конкуренцию с нами. Мы же, имея недостаточный подвоз хлеба у себя, вынуждены были повысить цены. У нас в настоящее время города имеют маленький запас хлеба, а крестьянин хлеб придерживает. Здесь кстати будет сказать: мы обязательно должны строго блюсти свой союз с крестьянином. Но иногда и союзникам приходится поспорить. Мы должны путем агитации разъяснить крестьянству его подлинный интерес. Крестьянство должно понять, что связывая нас в развитии промышленности, в подаче новых партий товаров оно и себя приводит к убытку и свой баланс в конце года сведет плохо, если не усилит подвоз хлеба. Я абсолютно уверен, что из нашего плана мы к концу года наверное 90% выполним, но срок выполнения плана и выгодность наших маневров будут хуже. Мы уже не сможем так маневрировать на международном рынке, как маневрировали бы, если бы получили хлеб во-время по нормальным ценам. Я ставил перед ЦК вопрос, надо ли пересматривать сейчас годовой план, и отвечал: нет, годового плана пересматривать еще не надо. Мы должны добиваться его выполнения.

Но теперь уже ясно, что он будет растянут. То, что мы хотели сделать в 1-м квартале, придется сделать во 2-м и 3-м. Мы в 1-м квартале хотели подать машины текстильной промышленности, придется сделать это во 2-м квартале. Мы хотели кожевенной промышленности в 1-м квартале дать все дубители, чтобы двинуть эту промышленность, а теперь мы говорим ей: подождите немножко, а обуви на рынке нет, и она дорога.

Из нашего ввоза 62 % падает на предметы технического оборудования промышленности, полуфабрикаты и сырье, 20 % идет на ввоз предметов сельского хозяйства, в том числе машины, тракторы и т. д., и 20 % на прочие предметы—чай, кофе и т. п., а вывозим мы в таком порядке: из всего вывоза

42 %—хлеба, 14 1/2 %—продукты животноводства, 8 %—лен и пенька, 7 %—продукты рыболовства и звероловства, остальное падает на лес, нефть и т. д.

Это строение совершенно понятно: страна мы аграрно-промышленная, а хотим стать страной промышленно-аграрной. При таких обстоятельствах, при сокращении вывоза страдает прежде всего промышленность. Дать ей в полной мере то, что мы хотели дать ей из заграницы, в виде хлопка, дубителей, красителей, оборудования, т. е. то, чего мы у себя не вырабатываем, и дать это в нужные сроки мы не сможем, а это в конечном счете скажется на крестьянстве же.

К этим вопросам о промышленности и о ходе развращения всего нашего хозяйства в связи с ввозом и вывозом естественно примыкает вопрос о Внешторге, который специально рассматривался в ЦК. В этом году оборот Внешторга поднимается в 2—2 1/2 раза против прошлого года. В прошлом году внешняя торговля обернула продуктов на миллиард руб. В этом году этот же наш аппарат должен повернуть около 2 1/2 миллиардов.

Ясно, что такой рост заданий, поставленных перед старым аппаратом, потребовал некоторой его реорганизации. Специальная комиссия и РКИ работали над вопросом изменения форм осуществления монополии внешней торговли, чтобы приспособить их к новым заданиям. Относительно самой монополии внешней торговли никакого сомнения ни у кого в ЦК и в партии, я полагаю, не может быть. Именно теперь монополия внешней торговли становится одним из основных рычагов. Вы видите, что круговорот между сельским хозяйством, промышленностью и социалистическим строительством, как это ни покажется странным, пролегает и через заграничный рынок. Надо вывезти за границу наши избытки хлеба, овса и ячменя, чтобы купить там новые машины, на которых будет подниматься наше сельское хозяйство и промышленность и идти по пути социалистического строительства. Поэтому монополия внешней торговли становится в данный момент таким верным рычагом, без которого мы не можем двигаться по пути социалистического строительства. Только при монополии внешней торговли мы можем держать под своим контролем состав ввозимых и вывозимых масс. Только монополия внешней торговли гарантирует нам, что из страны не будет вывезено больше того, что мы хотим ввезти, и что наши богат-

ства не будут разворованы. Монополия внешней торговли абсолютно необходима. Другое дело, формы осуществления монополии внешней торговли. Когда приходится на 2 1/2 миллиарда перевернуть товаров, когда почти каждая наша фабрика заинтересована, как купить, что купить, на что купить, когда привезут, когда все наши директора всех наших фабрик связаны теми или другими путями с заграничными покупками — одному нужна заграничная машина, другому сырье и т. д. — тут возникает вопрос более гибких формах монополии. ЦК принял положение, сводящееся к тому, что наши хозяйственные органы в гораздо более широком виде, чем до сих пор, смогут осуществлять сами права закупки и продажи за границей. Однако, он оставил эти хозяйственные органы, выходящие на заграничный рынок, в составе единого торгового представительства за границей. Это значит, что мы должны сохранить за границей единый фронт. Мы не можем все хозяйственные органы выпустить за границу, потому что эти милые хозорганы и здесь дерутся. Но в нашей среде на них есть управа, а если за границей они подерутся, то от этого только заграничные купцы выиграют. Поэтому единый фронт за границей во что бы то ни стало должен быть сохранен.

Но вместе с тем оставить такое положение, что одно торгпредство должно покупать и напильники, и иголки, и галантерею, и машины, и мыло, и турбо-генераторы, конечно, тоже невозможно: это уже изжитой момент. Поэтому формула, принятая ЦК по докладу тов. Куйбышева, гласит: единое торгпредство за границей, как представительство всего советского государства за границей, сохраняется. Но внутри этого торгпредства — осуществление операций отдельными хозяйственными органами гораздо более свободное, чем это было до сих пор; получится больше контроля, больше приспособления к потребностям каждого отдельного предприятия, отдельных объединений, и это хорошо. Вы знаете, что за идею советского торгпредства за границей мы вели хотя и не кровавую, но довольно ожесточенную дипломатическую борьбу. При всех наших дипломатических переговорах все государства заявляют нам: что ваш посол должен пользоваться неприкосновенностью, — как это ни неприятно, но это нужно будет сделать. Но вы хотите, чтобы кроме вашего посла еще и ваш торговый представитель и его книги, счета и т. п. пользовались неприкосновенностью, и чтобы только он один мог

покупать наш товар и только он один мог продавать ваш товар. Этого они никак в толк не возьмут или, вернее, они очень хорошо берут в толк, что их капиталистам это невыгодно. Их много, а мы одни, и мы можем играть на их конкуренции. Они всюду сопротивляются этому нашему требованию. Серьезной победой оказалось то, что как раз к моменту заседания ЦК германское правительство в германско-советском торговом договоре признало наш принцип монополии внешней торговли. Вот вернейшая черта той реформы в способах осуществления внешней торговли, которую принял ЦК. Из того же вопроса о разворачивании нашей промышленности вытекает и другой вопрос, который стоял на пленуме ЦК, получил там только предварительное решение и будет поставлен во всей своей широте на партийном съезде. Это — вопрос о профсоюзах. Совершенно естественно, что этот вопрос именно в нынешний момент стал перед нами. Мы уже видели громадное увеличение числа рабочих. Вы должны себе отдать отчет также и о составе этих рабочих. Если мы в течение полутора лет включили в свое производство 700 тыс. новых рабочих, то это значит, что мы черпаем довольно глубоко уже из деревни. Состав рабочих меняется. Число увеличивается. Активность рабочей массы повышается. Политический уровень ее тоже повышается. При этих условиях вопрос о том, чтобы приблизить рабочую массу и к государству и к социалистическому производству, является основным. Именно потому, что у нас в деревне происходят сложные процессы дифференциации, выделения кулацкой верхушки, именно потому, что мы еще идем только к организации бедноты, здесь в городе надо, чтобы рабочий класс получил возможность гораздо ближе примкнуть и к рабочему государству и к социалистическому производству. Что это значит? Это значит усиление массовой работы в самой толще пролетариата. Кто является главным агентом этой массовой работы? Конечно, профсоюзы. Положение профсоюзов в данной обстановке очень сложно, и от них требуется максимум мудрого искусства маневрирования, потому что имеются две крайности, в которые можно впасть. С одной стороны, можно впасть в крайность противопоставления рабочего класса государству, с другой стороны, можно впасть в крайность обезличения профессионального движения, т. е. впасть в такое положение, когда масса не видит в профсоюзах защитников своих мате-

риальных, будничных, постоянных интересов. Обе эти опасности должны быть избегнуты. Мы должны оживить работу профсоюзов и усилить их рост как подлинных массовых организаций пролетариата без бюрократических извращений, без отрыва от масс, без механического подхода к вопросам, построить их так, чтобы масса видела в них действительное выражение своих подлинных интересов, с другой стороны, обезопасить их от соблазна противопоставлять себя рабочему государству. Эта трудная, сложная, но и важнейшая работа может вестись только на основе самого широкого оживления работы профсоюзов, на основе привлечения подлинных рабочих масс не только к участию в профсоюзах, но и к будничной их работе. Система выборности, отчетности, подотчетности профессиональных верхов широкой рабочей массе, усиление работы производственных совещаний, превращение профсоюзов в подлинные школы социализма, в такие школы, которые подводят широкие массы к интересам социалистического производства, — вот что стоит на очереди. Вместе с тем нужно сказать, что эти задачи оживления и массовой работы профсоюзов могут быть осуществлены только тогда, когда партия не будет проявлять над ними мелочной опеки, дергания, будет понимать, что это есть массовая организация, коммунистический дух которой должен быть обеспечен работой фракции, но не может быть заменен чиновническим руководством или дерганьем сверху. Профсоюзы должны быть массовой пролетарской организацией беспартийных рабочих, в которых коммунисты обеспечивают свое влияние не нажимом сверху, а подлинной работой снизу. С другой стороны, эти задачи профсоюзов могут быть выполнены (и должны быть выполнены, если мы действительно хотим, чтобы рабочий класс шел с нами нога в ногу), только если будет устранен уклон, который заключается в сращивании профессионалиста и хозяйственника. Эти случаи у нас бывали и они плохо кончались. Это сращивание часто ставит массу в такое положение, когда она не знает, где кончается директор, и где начинается его профорганизация. Поэтому, в случае какого-нибудь конфликта, недовольства и т. д. это недовольство может катиться через голову профсоюзов, и это мы имели также и по Московской губернии. ЦК отметил все эти пункты, как важнейшие моменты по докладу т. Томского, который нарисовал ЦК подлинную, настоящую, без всяких прикрас картину целого ряда

недостатков в работе профсоюзов и поручил тов. Томскому разработать ряд тезисов и поставить этот вопрос на ближайший партийный съезд, ибо вопрос об оживлении профсоюзов, об их подлинном руководстве, о привлечении рабочих к нашему производству есть, конечно, кардинальный вопрос.

Теперь разрешите перейти к тому, что увенчивает все дело. Мы хотим оживлять работу в деревне, группировать вокруг себя бедноту, подтягивать к себе середняка, организовывать и бедноту и середняка вокруг нашей политики, мы хотим оживить Советы сверху донизу, оживить профсоюзы. Но кто это мы, и кто это может сделать и провести? Конечно, наша партия. Партия наша сложна и становится все сложнее и сложнее. Партия наша по объему своей работы имеет перед собой все более и более крупные задачи. Наше государство, по мере того как мы выходим из бедноты, из абсолютной нищеты, становится все сложнее, отдельные органы управления этого государства становятся все более тонкими механизмами. Советы, несомненно, уже начали и будут играть все большую и большую роль. Поэтому перед нашей партией задачи все более усложняются и требуют специального приспособления к разному рода отраслям работы. Наша партия — единственная партия в стране, в стране богатейшей, становящейся на ноги, в которой политическое сознание растет, в которой есть разные тенденции, и все это давит на нашу партию, изнутри нее пытается провести свои тенденции, так как рядом нет организаций, которые автоматически отражали бы их групповые и классовые интересы: все напирают на нашу партию. При этих условиях, чтобы осуществить те задачи, которые мы перед собою ставим, необходимо оживлять и внутреннюю жизнь нашей собственной партии. Это оживление должно сопровождаться укреплением руководства, укреплением руководства коллективного. По предложению Политбюро, ЦК поручил Политбюро обратиться к партии в ближайшие же дни с письмом к партийным организациям, в котором должно быть указано на необходимость действительного проведения и оживления партийной демократии при гарантии твердости партийного руководства. Мы стоим перед съездом, но не только потому, что перед нами съезд, а именно потому, что этого требует сложная обстановка, величие задач, которые перед нами стоят, необходимость руководить сложными аппаратами профсоюзов, кооперации, Советов и т. д. заставляет ЦК по-

ставить на очередь вопрос об оживлении внутрипартийной мысли, внутрипартийной демократии, большего проведения выборности и т. д. Это, конечно, должно сопровождаться, с одной стороны, точным и ясным руководством, с другой стороны, проведением ясной, точной политической линии, ибо сила нашей партии, с чего я и начал, заключается не только в завоевании доверия громадных масс пролетариата и крестьянства, в громадном практическом боевом революционном опыте, который мы накопили до революции, во время революции и после Октябрьских дней, но также в умении наметить, поставить и провести ясную, определенную, истинно Ленинскую линию. Вот если мы обеспечим эту линию, а она обеспечена решениями ЦК, если мы дадим возможность партии действительно оживить внутреннюю свою жизнь и, с другой стороны, обеспечить коллективное правильное руководство, то в таком случае мы со всеми своими задачами справимся.

Мне остается остановиться хотя бы в нескольких словах и самым кратким образом на последних событиях в работе компартии в мировом масштабе. Я буду совершенно краток и укажу только на то, что за последнее время мы имели ряд фактов, которые показывают громаднейший рост нашего влияния и истинный процесс большевизации этих партий. Доказательством этого сейчас может служить, с одной стороны, французская партия, поведение которой во время войны с Марокко показало, что эта партия действительно большевизируется и действительно становится на путь Ленинской политики. Это было серьезным испытанием для Коминтерна: первая более или менее серьезная война, которую ведет великая капиталистическая держава—Франция, и нужно сказать, что под руководством Коминтерна наша французская секция оказалась несомненно на высоте положения. На такой же высоте положения оказалась гораздо более слабая по числу, но ведущая большую работу наша английская секция. Вы знаете, что последний конгресс тред-юнионов, на котором нашу партию и профсоюзы представлял тов. Томский, что этот конгресс тред-юнионов в Скарборо пошел гораздо дальше по пути подлинной рабочей политики, чем какой бы то ни было конгресс английских рабочих раньше. Это был 57-й конгресс английских профсоюзов, но это был первый конгресс, который принял ряд резолюций, написанных и предложенных коммунистами. Наша компартия в Англии не велика, но она ока-

залась способной провести эту политику завоевания изнутри профсоюзов и направления их путем идейного влияния, который рекомендовал еще Ленин и который лежит в основе политики единого фронта. Маленькая, небольшая партия, кажется, в 4—5 тыс. членов, смогла, однако, играть видную роль на Британском конгрессе тред-юнионов, провести там ряд своих резолюций, повести его вперед, хотя бы пока и не очень далеко. Это понравилось нам, но очень не понравилось английскому правительству, которое, как мы сегодня прочли в газетах, ответило на великолепную работу, сделанную партией, арестами важнейших вождей английской компартии. Ясное дело, что эти преследования после той работы, которая была проведена на конгрессе тред-юнионов, после этого аресты Политта, Инкпина и других будут только увеличивать, усиливать значение коммунистов в толще английского рабочего класса. Можно прибавить к этим важным фактам, указывающим на то, что коммунистическое движение идет по правильному пути, еще и роль компартии,—также сравнительно небольшой,—на Востоке, в китайских событиях. И там эта небольшая партия, действуя через гораздо более широкую партию Гоминдана, оказывала решающее влияние на ход революционных событий в Китае.

Но рядом с этими фактами, показывающими успехи и осуществление правильной политики, у нас есть и факты печальные, факты кризисного свойства. Да и странно, если бы их не было. Дело большое. Мировое. Стабилизация капитализма, хотя бы временная и частичная, несомненно налицо.

При этих условиях было бы странно, если бы явлений кризиса не было. Есть кризисы „левые“, как, например, в Польской и, в частности, в Германской партии. Эти „левые“ говорят так: руководящую роль в Коминтерне играет РКП, а РКП осуществляет диктатуру пролетариата в крестьянской стране и потому должна идти на уступки. Так как чисто пролетарскую линию в крестьянской стране не провести, то нельзя ли руководство РКП в Коминтерне заменить другим руководством. Ясно, что это придирка и что говорят те элементы, которые на самом деле хотели бы освободиться из-под суровой руки Ленинской тактики и политики, потому что РКП проводит, пользуясь своим влиянием, лишь подлинный ленинизм в Коминтерне, а не какие-то уступки крестьянству. Это просто неумная ерунда.

Наиболее острый кризис происходит в верхушке Германской партии, где несомненно налицо кризис руководства. Вы, вероятно, все читали подробное письмо, посвященное кризису Германской партии, опубликованное Исполнительным Комитетом Коммунистического Интернационала. Я повторять его не буду, а укажу только в нескольких словах нынешнее положение дела: после снятия группы правых—Брандлера и других, которые вели неправильную политику, которым не доверяли коммунистические рабочие, и потому их надо было снять, после этого еще не выкристаллизовалась та новая группа подлинных коммунистических пролетариев, которые могли бы стать во главе руководства партией. Мы должны были поддержать во главе партии определенную группу, которая выдвинулась в борьбе с правыми, т. е. группу Маслова, Рут Фишер, но эта группа оказалась неспособной осуществить правильное коминтерновское руководство, она вступила в конфликт с Коминтерном, пыталась не исполнять его директив, и теперь спасение руководства заключается в том, чтобы из самой рабочей массы выкристаллизовалась подлинная новая рабочая группа. Эта рабочая группа есть. Но эта группа встречает сопротивление со стороны товарищей, вроде Шолема, Рут Фишер и Маслова, не умеющих или не желающих провести правильное руководство. Отсюда затяжной кризис руководства. Он не потрясает основы партии, в основе партии здорова и может пойти по правильному пути, если ее не будут путать сверху, а сверху путают такие люди, как Маслов, Рут Фишер, которые неправильно понимают директивы Коминтерна, вопросы профсоюзной работы, необходимость массовой работы, путают неправильным подходом к социал-демократическим рабочим.

Вы видели, когда социал-демократическая делегация приехала сюда, как мы сумели взять их здесь под наше идейное влияние. Оказалось, что это—такой материал, который нашему идейному влиянию поддается, но в Германии, при неправильном руководстве коммунистической партией, социал-демократических рабочих ставят на одну доску с Шейдеманом и Носке, оскорбляют вместо того, чтобы привлечь и втянуть в свою работу. При такой неправильной политике мы имеем затяжной кризис, на который приходится затрачивать много работы, чтобы его выправить.

В заключение позвольте прочесть вам несколько слов

относительно последнего конгресса II Интернационала. То, что я прочту, написано не коммунистами, а самими участниками II Интернационала.

Вот что пишет „Форвертс“—центральный орган Шейдемповцев—об участниках конгресса II Интернационала: „Партии II Интернационала делятся на три группы. Это или партии, которые принимали участие в правительствах на началах коалиции, или же партии, которые руководили рулем государства, образовав правительство меньшинства при доброжелательном нейтралитете части буржуазии, или партии, которые планомерной поддержкой делали возможным существование левых буржуазных правительств, влияли на них и контролировали их. Нет в настоящее время в Европе почти ни одной социалистической партии, которая бы не принадлежала к одной из этих трех категорий“.

Другой участник конгресса, г. Диаманд, пишет так: „До войны социалистические партии не принимали участия в политических решениях своих стран. В этом отношении положение изменилось в корне. Зал конгресса переполнен бывшими канцлерами, премьерами, министрами иностранных дел и т. д.“.

Я думаю, что самой лучшей агитацией среди рабочих, еще не коммунистов, послужит массовое распространение этих выдержек. Положения совершенно ясно. Бывшие канцлеры, премьеры, министры иностранных дел руководят конгрессом II Интернационала. Английские, французские, болгарские коммунисты сидят в тюрьмах капиталистов. Обычно такое положение вещей кончается тем, что те, кто сидит в министерствах, садятся в тюрьмы, а те, кто сидит в тюрьмах, берут власть в свои руки. Нет сомнения, что и в данном случае дело кончится так же (бурные аплодисменты).

Заключительное слово и ответы на вопросы.

Товарищи, я, к сожалению, никак не могу помочь тов. Богусевскому. Помочь ему я не могу вот почему: когда он напечатал свою статью, и некоторые товарищи обратили внимание на это место, то редакция „Большевика“ поместила заявление, что с той частью, которую я цитировал, редакция „Большевика“ не согласна. На пленуме ЦК тов. Молотов—докладчик по этому вопросу—цитировал это место статьи Богусевского и заявил, что „следует признать, что такая оцен-

ка, вернее недооценка, роли кулачества в современной деревне, конечно, внесла бы смуту и путаницу в оценку действительного положения нашей деревни. Она противоречит тому, что партия говорила и говорит о кулаке". Среди членов ЦК не нашлось ни одного товарища, который вступился бы за товарища Богущевского и сказал, что его неправильно цитируют и неправильно поняли. Приходится выбирать: или тов. Богущевский относится к таким писателям (бывают такие писатели), с которыми происходит такое несчастье, что никто их понять не может (смех на местах), или,—что естественнее предположить,—тов. Богущевский ошибся. То, что ошибся Богущевский, отнюдь не потрясает нашу партию. Для меня важна не ошибка тов. Богущевского, а тот оттенок мысли, который в этой ошибке сказался. Такие ошибки не могут быть случайными, потому что наша партия—единственная в стране, и не может быть так, чтобы течения, существующие в стране, краешком хотя бы, не задевали на той или другой окраине нашу партию, и тут не обнаруживалась бы маленькая царапина. Наша линия, постановление XIV партконференции было слегка оцарапано тов. Богущевским, и, если сейчас же не промыть этой царапины, т.е. не употребить дезинфицирующего средства, она загноится, будет нарыв, и его придется резать. Лучше во-время царапину прочистить ваточкой. Я это и сделал в докладе, как это сделано и в резолюции ЦК.

Теперь относительно попытки тов. Богущевского подменить меня тов. Лариным. Если бы это было где-нибудь в очень глухом углу, то там, может быть, тов. Богущевскому удалась бы его попытка, но здесь сказать, что я недооцениваю середняка, что я не понимаю необходимости для рабочего класса учинить крепкий союз с середняком,—это не выйдет тов. Богущевский! И знаете почему? Потому что с 21 г., с момента Нэп'а, вероятно, никому другому в Московской организации не приходилось так часто, на самых разнообразных собраниях, беспартийных и партийных, рабочих и крестьян, районных и центральных, при Ильиче, при председательствовании Ильича и после него, объяснять и разъяснять смысл Нэп'а, как мне. Так что попытаться намекнуть на то, что я недооценил середняка, не понял значения союза с середняком,—это уже очень смешно. Серьезнее вопрос тов. Богущевского о том, что я будто бы не подчеркнул всей новизны

той линии, которая заключается в решении пленума. Нет, я сказал, что решения пленума могут показаться неожиданно новыми тов. Богущевскому. Об этом я предупредил собрание. Почему? Ясно почему. Если кто-либо понимает ставку на развитие производительных сил в деревне так, что оно идет, поднимая все крестьянство, не разделяя его, не расслоя его, не выделяя кулака, тогда такому товарищу, конечно, может показаться, что надо выбирать—или развитие производительных сил или помощь беднякам. Но XIV партконференция так не рассуждала и так рассуждать не могла.

Уже XIII съезд сказал так: „В связи с происходящим расслоением сельского хозяйства особенно важен вопрос о способах обеспечения маломощному слою деревни фактической возможности участвовать в кооперации“, а XIV партийная конференция сказала: „Рост производительных сил в условиях дальнейшего развития товарно-денежных отношений влечет за собой, однако, и новые трудности. Наряду с укреплением социалистических элементов хозяйства происходит и будет происходить в то же время развитие частного капитала и связанное с этим частичное обострение конкуренции между социалистическими и капиталистическими элементами хозяйства, как в городе, так и в деревне“. И дальше: „Начавшееся с переходом к новой экономической политике расслоение деревни найдет свое выражение в ближайшем будущем в дальнейшем увеличении и усилении на известное время новой крестьянской буржуазии, вырастающей из зажиточных слоев крестьянства, с одной стороны, и пролетаризации его бедняцких элементов,—с другой“.

Это сказала XIV партконференция (а не Ларин, тов. Богущевский!). Что же вы думаете, что коммунистическая партия, которая сказала, что она стоит перед фактом роста и увеличения новой крестьянской буржуазии и пролетаризации бедняцких элементов, что же вы думаете, что коммунистическая партия уткнувшись, как представляет себе тов. Богущевский, в идею развития производительных сил, оставит эти пролетаризированные бедняцкие элементы без помощи и не попытается связать себя с этими бедняцкими элементами, забудет бедняков? Это—странное, очень странное представление о нашей партии! Только в головах плохих коммунистов можно противопоставить ставку на развитие производительных сил и помощь середнякам и беднякам против кулаков. Только

плохо читавший резолюции XIV партконференции или облюбовавший из всей нашей политики в деревне только то, что мы сделали уступку, т.-е. дали аренду, расширили право найма, и больше ничего в ней не заметивший, только тот может недоуменно разводить руками перед резолюцией ЦК. Партия, которая в резолюциях XIV партконференции видела не только уступку известным буржуазным слоям деревни в виде развития права на наемный труд и аренду, которая понимала, что эта необходимая и правильная уступка должна сочетаться с усилением нашего коммунистического фронта путем привлечения к нам бедняков и середняков, партия такого истолкования своей линии, конечно, не допустит. Затем нельзя же, вообще, вести историю партии только от XIV партконференции. Нельзя же отрицать, что Ильич, введя Нэп, в 1922 году писал то, что я вам прочитал: „Ввиду важности подъема сельского хозяйства и увеличения его продукции (т.-е. в виду важности развития производительных сил в деревне—Л.К.), в данный момент политика пролетариата по отношению к кулачеству и зажиточному крестьянству должна быть направлена главным образом на ограничение его эксплуататорских стремлений. Как ограничить эти стремления, как может и должно наше государство защищать бедняков,—в этом вся суть“. Так надо же быть Иваном, не помнящим родства, чтобы после того, как я прочел эту цитату из Ильича, который сказал это в 1922 г. (а мы теперь в 1925 г. практически осуществляем эту директиву созданием специальных фондов для бедняцких хозяйств, приспособляем кооперацию к тому, чтобы она вовлекла в себя бедняцкие хозяйства, путем того, что государство будет помогать бедняку вносить пай, и т. д.), чтобы после этого не видеть, что это и есть столбовая дорога нашей политики в деревне.

Сказать же так, что только теперь, в 25 году, наша партия додумалась до того, что мы должны помогать беднякам и сплачивать вокруг своей партии бедняков и середняков против кулаков, сказать, что мы только в 25 г. додумались до этого, это значит опять таки обнаружить очень, очень странное представление о нашей партии и ее политике. Партия знала это, когда вводила Нэп, в 22 г. Ильич писал об этом, на XIII Съезде это указано, на XIV Конференции подтверждено, и на III Всесоюзном Съезде Советов в моем докладе о крестьянстве специально подчеркнуто, что „сельско-хозяй-

ственная кооперация должна сосредоточить все свое внимание на своей основной задаче действительного объединения многомиллионных масс крестьян, в особенности середняков и бедняков“, что специально „кооперативным объединением середняцких и бедняцких слоев крестьянства должна быть оказана материальная поддержка и помощь Советской власти“. После всего этого линия на укрепление нашей партии в бедняцких и середняцких слоях может показаться неожиданной только тому, кто не понял нашей основной линии, линии партии в Нэп'е, тому, кто не понял отрицательных сторон Нэп'а.

Перехожу к вопросам. Спрашивают меня: *как же тов. Зиновьев поддерживал Рут Фишер, а она ведет неправильную линию?*

Должен сказать что ее поддерживал не Зиновьев, а поддерживали все мы, весь наш ЦК. Снимая Брандлера и др., мы ставили ставку на ту группу, во главе которой стояли Маслов и Рут Фишер. Мы тогда сделали оговорку, что полного доверия эта группа не заслуживает, но так как группа Брандлера потеряла доверие среди коммунистических организаций в Германии, а эти товарищи стояли во главе оппозиции, то партия естественно их выдвинула. Мы думали, что они обучатся. Мы ставили ставку на то, что если они, будучи в оппозиции, и забирали влево, то, получив руководство германской партии, люди под контролем Коминтерна начнут учиться, приобретут больше опыта, почувствуют больше ответственности за свои поступки. Эти надежды, которые разделяли мы все, не оправдались. Это со всяким политиком может быть. Поставили ставку на то, что люди научатся, а они задурили еще больше.

Следующий вопрос: *как вы представляете себе организацию бедняцких групп, будет ли это фракция при сельсовете или иного типа организация?*

Я думаю, что ответ на этот вопрос заключается в самой резолюции. Правда,—ответ осторожный. Там указывается на то, что нужно собирать группы бедняков для выставления вместе с середняками кандидатур, что надо собирать эти группы внутри сельсовета или волсовета или райсовета для обсуждения их специальных нужд и обязательно с коммунистами. Но ЦК не дал здесь точной организационной формы и не дал этого сознательно. Дело это все таки новое. Тут дана

идея, указание партийным организациям—собирайте бедняков, вместе с ними обсуждайте кандидатуры, обсуждайте нужды, вместе с ними настаивайте на проведении законов, которые дают льготы крестьянам и которые часто в деревнях не проводятся. Но как эту организацию закрепить, на это ЦК не ответил, желая получить опыт мест. Ясно, что работа этих бедняцких групп, может быть, иначе будет развиваться на Украине, скажем, где есть комнезамы, иначе—на Северном Кавказе, где этих комнезамов нет, а кулачье играет более видную роль, чем в Московской и Владимирской губерниях, и т. д. Поэтому ЦК считает, что кое-какое разнообразие в этой новой работе сплочения бедняков не повредит, а даст возможность учесть опыт и дать новые формы. То, что ясно и особенно подчеркнуто,—это всяческое усиление работы Всеработземлеса. По некоторым данным считается у нас полтора миллиона батраков. Батрачество будет развиваться. Данные об урожае из сельскохозяйственных губерний показывают сейчас, что уборка урожая вызвала очень большую потребность в наемной силе даже в таких хозяйствах, которые систематически ее не употребляют, но которые при таком урожае не могли обойтись без этой наемной силы. Поэтому, усиление работы Всеработземлеса, усиление батрацких организаций, организаций наемного с.-х. труда,—это то, что всегда нами подчеркивалось и что не могут не подчеркивать коммунисты, которые, будучи партией пролетариата, не являются исключительно партией городского пролетариата, но всегда и всюду, начиная с зарождения марксизма, были партией городского и с.-х. пролетариата, пролетариата города и деревни. Это должно быть подчеркнуто. Это совершенно ясно.

Следующий вопрос: *является ли понятие кулак твердо установленным и общепринятым для всех областей СССР, как Сибири, Украины и т. д., или при определении понятия кулак необходим особый подход?*

Конечно, у нас нет и быть не может в нашей стране единого, всюду применяемого понятия кулака. Ничего подобного. Для каждого района признаки кулацкого хозяйства будут различные, при чем самые эти признаки отнюдь, конечно, не могут исчерпываться признаком величины посева. Надо совершенно забыть марксизм, забыть ленинизм, чтобы думать, что достаточно узнать, сколько у человека хлеба и сколько он сеет, чтобы сказать, кулак он или нет. Я уже указал,

что одним из основных признаков капитализма в земледелии, как и вообще всей капиталистической системы, является наемный труд. Если вы скажете: вот у такого-то крестьянина 15 дес. земли, и он собирает столько-то урожая и столько-то продает, а не скажете,—наемный труд он употребляет или нет, систематически употребляет или нет, то вы ответа на вопрос, кулак он или нет, по-марксистски не получите. И поэтому делают ошибку те, кто деление по посевным группам, т.-е. по засеянной земле или по избыткам хлеба принимают за классовое деление деревни. Дело обстоит сложнее. Тот, кто хотя бы прикасался к марксизму, знает, что классовое деление деревни надо проводить по признакам и земли и наемного труда, и системы хозяйства, и употребления машин, и употребления удобрений, и животноводства и т. д. Только по совокупности всех этих признаков можно провести такое классовое деление деревни, при чем по районам признаки, конечно, будут различные.

Вопрос: *не получится ли из групп бедноты прежних комбедов при условиях растущей борьбы в деревне? Как увязать это решение с неоднократным заявлением о том, что не нужно форсировать классовую борьбу?*

И следующий вопрос: *прошу разъяснить, необходимо ли разжигать классовую борьбу в деревне, не явится ли это организацией бедноты в комбеды?*

Комбеды были боевыми организациями в эпоху гражданской войны. Комбеды раскулачивали средствами прямого государственного принуждения вплоть до применения вооруженной силы. Как же можно подумать, что какой-нибудь здравомыслящий человек предложит нам сейчас группы бедноты превратить в комбеды и, в частности, приступить к раскулачиванию путем военной силы, насильственному отобранию излишков и пр.? Мы ведем не политику гражданской войны, а политику постепенного, осторожного, но систематического втягивания основных масс крестьянства, крестьянских хозяйств в наше советское социалистическое строительство и делаем это не штыком, не помощью военной силы, не принуждением, а экономическим маневром, определяемым Нэп'ом. При таких условиях нам комбеды не нужны, и никакого перерождения групп бедняков в комбеды мы не допустим. Надо ли разжигать классовую борьбу в деревне? Конечно, не надо. Глупо ее разжигать. Зачем мы—стоящие у власти—будем разжигать

классовую борьбу в деревне? Нужно было ее разжигать тогда, когда мы шли на приступ для завоевания власти, и тогда это „разжигание“ заключалось в том, чтобы вокруг передового пролетарского авангарда, готовящегося к войне, собрать все остальные элементы, подтягивая их для того, чтобы ударить в лоб противнику. Тогда мы разжигали классовую борьбу.

Теперь мы с вами у власти, мы правим государством и вместо того, чтобы разжигать классовую борьбу в деревне, мы применяем не столь резкие, но достаточно серьезные и чувствительные методы, как например налоги и пропорциональное их разложение на бедняка, середняка и кулака, или кредитную политику, при помощи которой мы должны оградить бедняка и середняка от эксплуатации кулаком и т. д. и т. п.

И эти методы мы будем проводить не в порядке гражданской войны, а в порядке гражданского мира, имея весь государственный аппарат в своих руках.

Нам нужно только, во-первых, видеть расслоение деревни, а, во-вторых, организовать вокруг себя бедноту и середняков.

Вопрос: *Как понимать заявление Ильича на XI-м съезде партии о приостановке отступления, если сопоставить это заявление с нашей нынешней политикой в деревне?*

„Отступление прекращено“ говорил В. И. на XI съезде партии. Это значит, что из рамок Нэп'а, которые были Ильичом намечены, мы не должны выходить. Мы их и не переходим. Какие это рамки? „Нэп, это—капитализм, который мы—пролетарское государство—отпускаем, но держим на цепи“. Пока мы держим эту цепь, мы хозяева положения. Эта цепь, на которой мы держим капитализм, в наших руках, и она крепка. Что с того момента изменилось? Наши руки стали крепче, потому что пролетариата стало на 500000 больше. Пролетариат стал крепче материально, проведена громадная политическая воспитательная работа. Наши фабрики и заводы дымят, а не стоят, как в 1921 году. Поэтому мы считаем нашу продукцию и товары на миллиарды, тогда как во время Ильича считали только на миллионы. Сейчас нам не приходится висеть на проводах и спрашивать: где находится такой-то вагон с хлебом для Москвы. А Ильичу это приходилось делать. Мы стали сильнее, руки наши крепче, и цепь, на которой мы держим капитализм, тоже крепка.

Есть ли опасность, что этот капитализм сорвется с цепи.

Нет, никакой опасности нет. Руки крепки, и цепь крепка. Мы сняли в деревне остатки „военного коммунизма“, которые не были сняты. Когда мы сказали: не надо административных мер при закупке хлеба у крестьян, а только благоволите покупать хлеб при помощи экономических маневров, перешли ли мы тот Нэп, который нам дал Ильич? Нет! Мы остаемся в этих рамках. У нас нет необходимости их переходить. Речь идет о том, чтобы из деревни выдернуть те остатки административного усмотрения, административных злоупотреблений, административного вмешательства в хозяйственную жизнь деревни, которые до сих пор имели там место, как, например, с лимитами в прошлом году, когда лимиты объявлялись твердой ценой и когда кое-где местные власти выставляли объявления: государственная цена на хлеб 60 копеек и больше не смей выплачивать. Вот эту штуку выкорчевать из деревни нужно.

Это будет осуществлено и, непременно, в тех рамках, которые указал Ильич.

Вопрос: *разъясните, что препятствует темпу развертывания крупной промышленности, которая нужна для изжития товарного голода.*

Препятствует развертыванию крупной промышленности одно: у нас с вами денег нет в достаточном количестве. Были бы у нас деньги, построили бы заводы, купили бы новые машины, пустили бы их на полный ход и дали бы мануфактуру 100—105% против потребностей, чтобы хотя бы 5% иметь на складе. Препятствие в том, что нам никакой американский дядюшка денег не давал, что у нас с вами наследство тоже небольшое, и что поэтому разворачивать промышленность надо очень экономно. Если мы можем, однако, это делать, то потому, что немного съэкономили. Конечно, мы еще не научились торговать, как проповедывал Ильич, торгуем плоховато, но кое-чему мы научились и вот съэкономили кое-что на покупку новых машин, на пуск заводов и т. д. В следующем году, вероятно, будем богаче, если будем правильно вести политику. И тогда начнем строительство новых заводов, в первую очередь заводов сельскохозяйственных машин, и прежде всего в крестьянских областях, создавая в них новые пролетарские центры.

Мы за союз рабочих и крестьян, за их крепкий союз, за то, что говорит Ильич,—надо сплотиться с основной массой

крестьянства, с рядовыми трудовыми крестьянами. И тогда, продолжал Ильич, наше продвижение к социализму в известный момент наступит такое, о котором мы сейчас и мечтать не можем. Я уже сказал несколько месяцев тому назад, на одном собрании Московской организации, что мы, несомненно, присутствуем при начале того ускорения движения к социализму, о котором мечтал Ильич. Это все более подтверждается. Несмотря на все трудности, несмотря на то, что мы осуществляем и строим социализм в крестьянской, аграрной стране, это ускорение движения к социализму громадно, и мы можем твердо сказать, что с теми трудностями, которые есть, мы справимся. Размолвки с крестьянами будут, смешно мне было бы перед вами, коммунистами-пролетариями, сказать, что этого не будет. Ведь это не один класс, это союз двух классов, значит, между ними остается возможность трений и колебаний. Средний крестьянин — не социалист, но он станет социалистом под руководством пролетария, переваренный кооперацией и электрификацией, переделанный той культурной революцией, о которой говорил Ильич. Он еще не социалист, но мы втянем его в строительство социализма и построим социализм. Размолвки будут, он будет за одну цену, мы — за другую. Вопрос заключается в том, чтобы сманеврировать так, чтобы этот союз политически и экономически укрепить, а вместе с тем все больше и больше укреплять социалистические элементы в нашем хозяйстве.

До сих пор наша партия делала это с успехом. Пленум ЦК еще раз это сформулировал, подвел итоги, указал дальнейшие пути, и я уверен, что и далее партия наша социализм в особо сложных условиях нашей страны будет строить и построят.

15 коп.